

*Моей кузине Эмили Меткалф.
В благодарность за годы, проведенные
у тебя в особняке, пока в моем шел
ремонт.*

Воскресенье, 31 декабря

1. Миссис Уиттэкер: соседка, старая, страдает клептоманией.
2. «Диллон» на кассе в «Лидл»: прыщи, цепь на джинсах, вечно швыряет мои яблоки и НИКОГДА не рад помочь.
3. Мужик в пиджаке на синем «Кашкае», который каждое утро с ревом сворачивает с Сауэрберри-роуд: серый костюм, очки-авиаторы, загар Дональда Трампа.
4. Все, с кем я работаю в «Газетт», кроме Джеффа.
5. Крейг

Ну что ж, не знаю, как кто, а я Новый год встретила просто отпадно. Начать с того, что настроение было никакое — частично из-за обычной мути на душе под названием «Рождество закончилось, вот блин, скоро опять на работу», а частично из-за сообщения, которое я обнаружила утром в телефоне у Крейга, пока он мылся. Сообщение было такое:

Надеюсь ты думаешь обо мне когда намыливаешь член — Л.

Чмок. Чмок. Смайлик с улыбкой и высунутым языком.

Ого, подумала я. То есть мне не показалось. Он ее правда трахает.

Л. — это Лана Раунтри, хорошенькая сучка двадцати четырех лет, работает в отделе продаж у нас в редакции, носит узкие юбки и туфли на платформе и по сто раз на дню взмахивает волосами, как будто она круглосуточная реклама «Л’Ореала». Они познакомились девятнадцатого декабря у нас на рождественском корпоративном бухиче — двенадцать дней назад. Сегодняшнее сообщение у него в телефоне лишь подтвердило подозрения, которые у меня возникли еще тогда, когда они стояли вдвоем у стола с фуршетом: разговаривали, смеялись, она тербила пальчиками стопку салфеток, он накладывал себе и ей на тарелки митболы, она взмахивала волосами, он скреб щетину. Она весь вечер на него таращилась, а он от ее внимания просто таял.

Потом вдруг резко увеличилось количество «мелких заказов», из-за которых ему срочно надо в город: тут покраска, там укладка пола, а то еще перегородка из гипсокартона оказалась «хитрее», чем он предполагал. Кто вообще затевает такие работы за неделю до Рождества? Затем последовали несвойственные ему продолжительные уединения в ванной и два похода за рождественскими подарками (без меня), причем оба похода оказались такими зашибенно успешными, что на потрошение кредитки оба раза потребовалось по полдня. Я видела его выписку со счета: подарки для меня он заказал онлайн.

В общем, целый день во мне все это клокотало, и для полного счастья в новогоднюю ночь не хватало только принужденного веселья в компании разряженных в пух и прах алкоголичек. К несчастью, именно такой Новый год я и получила.

Мои подружки или, если точнее, мое ЛОКНО — Люди, От Которых Не Отвяжешься, — договорились встретиться в ресторане «Côte de Sirène» с видом на гавань, щеголяя лучшими нарядами, добытыми на распродаже в «Некст». Наш новогодний ужин, он же пьяный поход по барам, планировался не один месяц и изначально должен был включать в себя мужей

и бойфрендов, но они все один за другим мистическим образом самоликвидировались, и в итоге мероприятие превратилось в новогодний ужин, он же предродовая вечеринка, он же пьяный поход по барам в честь Анни. Ресторан вполне снобистский по атмосфере, но расположен в самом центре, так что снаружи у него вечно желтые разводы на стенах, а с утра в воскресенье на коврике перед входом обязательно имеется лужа блевотины. Внутри все оформлено в двух цветах — черном и серебряном — и немножко а-ля Франция: связки чеснока, на стенах — роспись с изображением парижских улочек, и официанты, которые плятся на тебя так, будто ты прикончил их матерей.

Проблема в том, что они мне нужны. Подружечки мои. Не то чтобы я прямо совсем жить без них не могла, как тощий, беззубый и тоскующий по дому Том Хэнкс не мог жить без своего Уилсона¹. Но они мне необходимы, чтобы поддерживать видимость нормальности. Если хочешь существовать в обществе как положено, обязательно позаботься о том, чтобы вокруг тебя были люди. Это как месячные: они тоже бесят, но для чего-то ведь они нужны. Когда у человека нет друзей, к нему обязательно приклеивается звание «Нелюдим». И все принимают гуглить его имя и принохиваться, не пахнет ли у него в гараже химикатами, которые используются для производства бомб.

Но у нас с ЛОКНО нет почти ничего общего, что правда, то правда. Я — ассистент редакции в местной неказистой газетенке, Имельда — риелтор, Анаис — медсестра (на данный момент в декрете), Люсиль работает в банке, ее сестра Клео —

.....

¹ Персонаж американского актера Тома Хэнкса в фильме «Изгой» (2000) в результате авиакатастрофы попадает на необитаемый остров, и на долгое время его единственным другом становится волейбольный мяч, которого герой нарекает Уилсоном в честь компании — производителя таких мячей. (Здесь и далее примечания переводчицы.)

преподаватель физкультуры в университете тире личный тренер, а Пидж — учительница в школе. У нас даже общих интересов нет. Ну, с Анни мы часто списываемся, чтобы обсудить последнюю серию «Острых козырьков», но я бы не сказала, что мы прям лучшие подруги.

Со стороны можно подумать, будто я кукушонок, который очутился в гнезде среди шумных и ярких воронят, но на самом деле и у меня в этой компании есть кое-какая роль. Я была для них полезным приобретением с самого начала, когда только познакомилась с ними в предпоследнем классе. В детстве я слегка прославилась, так что отработала весь звездный чек-лист: познакомилась с Ричардом и Джуди; Джереми Кайл подарил мне кукольный домик; а еще у меня брали интервью для передачи «Отсчет до убийства». Теперь же я для них всего лишь Заботливая Подруга и Трезвый Водитель. А в последнее время еще и Главный Слушатель: мне известны все их тайны. Люди готовы рассказать тебе все на свете, если ты слушаешь их достаточно долго и изображаешь заинтересованность.

Анни, наша штатная Беременяша, должна разродиться когда-то там в марте. Четыре Феи (Люсиль, Клео, Мел и Пидж) не поскупились на торт из подгузников, открытки, гирлянды, шары и пинетки для тематического украшения стола. Я принесла фруктовую корзину, наполненную экзотическими фруктами типа личи, манго, карамболы и амбареллы, — намек на маврикийское происхождение Анни. Корзина моя никого не впечатлила. Ну что ж, хорошо, что я хотя бы была не за рулем и могла заливать просекко, оглядываясь только на возможности собственной печени, а еще мне удалось дружескими уговорами убедить свой мозг в том, что я неплохо провожу время, пока эти тряндят о том же, о чем и всегда.

ЛОКНО больше всего на свете любят говорить о пяти вещах:

1. О мужьях и бойфрендах (обычно о том, какие они твари).
2. О детях (на эту тему мне сказать, в общем-то, нечего, так как своих у меня нет, поэтому, за вычетом тех случаев, когда надо поумиляться над фотографиями школьного рождественского вертепа или поржать над видосами, где дети размазывают по стене кашки, моего участия в этих разговорах никто и не ждет).
3. ИКЕА (обычно потому, что они только что оттуда или как раз туда собираются).
4. Диеты — какая работает / какая нет, при какой есть ощущение сытости / при какой нет, сколько фунтов они сбросили / набрали.
5. Свадьба Мел — она объявила нам о своих планах только в сентябре, но я что-то уже не помню такого времени, когда эта свадьба не была частью нашей повестки.

А вот о каких пяти вещах тем временем обычно размышляю я...

1. «Сильваниан Фэмилс».
2. Мой пока не опубликованный роман «Часы-алиби».
3. Моя собака Дзынь.
4. Когда можно будет пойти в туалет, чтобы посмотреть соцсети.
5. Какими способами можно убить людей, которые мне не нравятся, — так, чтобы не попасться.

Прошло совсем немного времени, и вдруг явился поднос с напитками: просекко и разномастные бокалы, не слишком чистые.

— Что это? — спросила Мел.

— От джентльменов у бара, — сказал официант, мы посмотрели туда и увидели двух типов, подпирающих барную

стойку и явно вознамерившихся вступить в контакт с ближайшей дружелюбно настроенной вагиной. Один, с золотыми кольцами-сережками и с переизбытком геля на волосах, поднял в нашу сторону пинту пива — вторая рука у него была в перевязи. Его друг, в футболке валлийской регбийной команды, с татуированными предплечьями, рассеченной левой бровью и выпирающим пивным брюшком, беспардонно пускал слюну в отношении немыслимой груди Люсиль. Она говорит, мол, «ну я же не нарочно». Ага, а у меня из промежности каждый месяц не хлещет кровь.

— Как чудесно, — улыбнулась она, ныряя в хлебную корзину.

Мы все взяли по бокалу, подняли их приветственно в направлении мужчин и вернулись на свою разговорную карусель — дети, бойфренды, ИКЕА и как это в целом изнурительно — иметь сиськи.

Анни развернула подарки, и каждый оказался, по ее мнению, либо «потрясающим», либо «ой, как это мило». Анни бесила меня меньше, чем остальные ЛОКНО. Она всегда могла рассказать историю о том, как в травматологическое отделение привезли мужика с куклой Барби в заднице или мотоциклиста с не совсем оторвавшейся головой. С ней было, по крайней мере, не смертельно скучно. Конечно, скоро у нее родится младенец, и тогда у нас не останется других тем для разговора, кроме Малышей, и Какие Они Чудесные, и Как Бы Мне Тоже Такого Хотелось. Обычный исход в подобных случаях.

Мы все заказали по стейку, разных размеров и с разными соусами, несмотря на радужную палитру диет, на которых все мы сидим. Мел — на Дюкане или на низком гликемическом индексе, не помню, на которой из них. Люсиль — на 5:2, но сегодня был день из категории «пять», так что до того, как принесли заказ, она успела съесть три булочки и двадцать

хлебных палочек. Клео на ПП¹, но у нее перерыв на Рождество и Новый год. У меня диета под названием «Жри все, что видишь, до первого января, а потом умори себя голодом», поэтому я заказала десятиунцевый стейк из вырезки под соусом беарнез с картошкой фри — и попросила, чтобы мясо прожарили так слабо, чтобы было неясно, как уместнее поступить — съесть его или скормить ему морковку. На вкус получилось просто нереально. И плевать я хотела на страдания коровы: задница у нее оказалась просто объедение.

— Ты вроде подумывала о веганстве? — спросила Люсиль, отрывая очередной кусок от бесплатного хлеба.

— Больше не подумываю, — отозвалась я.

Невероятно, как она ухитрилась запомнить то, что я говорила примерно восемьдесят пять лет назад. Вообще-то это врач мне тогда посоветовал завязывать с говядиной — вроде как это должно было помочь от скачков настроения. Но пищевые добавки, которые он мне прописал, и сами справлялись, так что я не видела причины превращаться в Пола Маккартни из-за какой-то несчастной парочки приступов. К тому же в брокколи я вечно нахожу уховерток, а у брюссельской капусты такой вид, что ее не зря называют геморроем дьявола.

— Что тебе хорошего на Рождество подарили? — спросила меня Клео, когда официант принес набор ножей для стейка, на вид абсолютно смертоносных.

— Спасибо, — сказала я ему. Я всегда слежу за тем, чтобы благодарить подавальщиков в общепите: никогда не знаешь, чем им вздумается размешивать твой соус. — Книжки, духи, подписку на «Нетфликс», сертификат «Уотерстоунс», билеты на Бейонсе в Бирмингеме...

.....

¹ Правильное питание — система, предполагающая полное изменение пищевых предпочтений и привычек, которое нормализует обмен веществ.

О «Сильваниан Фэмилис» я умолчала: единственными людьми, способными понять мои чувства к Сильванианам, были пятилетние близняшки Мел.

— О, мы на Бейонсе идем в Лондоне в апреле, — сказала Пидж. — А кстати, слушайте, я вспомнила, что хотела вам сказать...

Пидж затянула беспощадно длинную речь о том, как она объехала шесть разных зоомагазинов, пока не нашла правильное что-то там для своих домашних кроликов — Бейонсе и Соланж. Темы, которые Пидж выбирает для разговора, — это всегда нечто среднее между «невыносимо» и «готовь петлю и мыло», почти так же скучно, как рассказы Анни про походы в женскую консультацию или Сказания Люсиль об Убийственной Ипотеке. Я отключилась, мысленно переставляя мебель в столовой моих Сильванианов. Думаю, им нужно побольше места для приема гостей.

Несмотря на ярость, которая непрестанно грызла меня изнутри по милости Прекрасного Бойфренда, ужин оказался славным, и мне даже удалось удержать его в желудке. Я заметила, что на всех столах цветы в вазах искусственные — фее Трипэдвайзера¹ такое вряд ли понравится! — но в целом тут было неплохо, насколько в ресторанах вообще может быть неплохо. Тут было настолько неплохо, что я, пожалуй, даже не зря потратила два часа на то, чтобы извлечь себя из пижамы, в которой жила с самого Рождества, и принарядиться. Ну то есть неплохо было до тех пор, пока все не заговорили о свадьбе Мел. Начала Люсиль.

— Так, а с прической для Лучшего Дня Своей Жизни ты уже определилась?

.....

¹ Сайт для путешественников, где любой пользователь может оставить независимый отзыв и поставить оценку туристическому объекту (в первую очередь — отелям и ресторанам).

Это, кстати, был тот редкий случай, когда Мел реально услышала, что говорит Люсиль, — потому что вопрос касался лично Мел, свадеб в целом и свадьбы самой Мел в частности.

— Не-ет, — прорыла она. — Я хочу что-нибудь такое высоко подобранное, но не взлохмаченное. Для подружек невесты — французские косички, ничего лишнего. А про фотографов я вам уже рассказывала? У нас их будет два. Джек нашел какого-то парня из Лондона, и вот он со своей парой — ну, в смысле они работают в паре! (последовал необъяснимый взрыв хохота) — в мае приедут взглянуть на церковь. Знакомый Джека планирует стоять сзади, чтобы снимать лица гостей, когда я пойду по проходу, а второй будет фотографировать у алтаря.

— То есть без шансов что-нибудь упустить, — ввернула я.

— Вот именно! — улыбнулась Мел, в восторге от того, что я проявляю интерес.

— А вечером ты в чем будешь? Уже решила? — спросила Анни, в третий раз возвращаясь из туалета.

— Ну конечно, опять в свадебном платье.

— Получается, целый день в нем проходишь? — уточнила Клео.

— Да-а. Хочу, чтобы это было нечто незабываемое. Ведь это же мой день, и все будут приходить специально для того, чтобы заценить меня, так что... Ну и потом, люди, которые не приглашены в церковь, смогут увидеть платье вечером.

— Ага, у них тоже никаких шансов что-нибудь упустить, — пробормотала я, заглядывая в телефон. А Мел снова улыбнулась, будто мы с ней на одной волне.

Анни кивнула и прикусила губу.

— Мел, ты будешь просто убийственной красавицей. Представляю, какой классный получится праздник. К тому же я к лету уже тоже смогу пить!

Я вытерла нож для стейка салфеткой. На левом запястье у меня ветвились вены. Если бы хватило смелости, можно было бы разом положить конец этому всему.

— Никакой убийственной красавицей я не буду, — сказала Мел. — Я наверняка в кадр не помещусь ни на одной из камер!

Очередь Люсиль:

— Девчонки, вы все красотки! Все будете прекрасными принцессами, а еще там везде будут цветы, и церковь эта такая потрясающая... Свадьба получится как в сказке!

— Да уж, — фыркнула Мел. — Если я за ближайшие полгода не избавлюсь от свисающих боков и живота, свадьба получится реально как в сказке — называется «Шрек»!

Последовали вопли хохота.

— К тому же в июне всегда солнечно, так что с погодой наверняка все сложится просто идеально, — сказала Пидж, потирая Мел предплечье. — Не волнуйся, все пройдет чудесно.

Может, хватит?

— Да, думаю, ты права.

(Примечание: я дословно записала здесь этот бесконечный сеанс взаимной лести, но прошу заметить, Дорогой Дневник, что свадьба Мел занимает по меньшей мере девяносто процентов каждой нашей вылазки в свет.)

И тут Мел вспомнила про то, чего я жду с ужасом еще с сентября, когда об этом заговорили впервые, — про Уик-энд, Который Нельзя Упомянуть.

— Вы же все будете на моем девичнике, правда? Возражения не принимаются. В конце концов, вас уведомили за полгода.

Вот дерьмо. Целое огромное ведро.

— О да, и какой план, напомни? — спросила Анни, прильбывая апельсиновый сок.

— Пока точно не знаю — возможно, махнем в Бат на спа-день или в Леголенд. Но точно — с пятницы по воскресенье.

— О, да-а! — просияла Люсиль. Она была замужней подружкой невесты.

Тут все переключились на Промывание Костей Мужикам (в случае Клео — Промывание Костей Бабам): как Рашан/Алекс/Джек/Том/Эми до утра пропадали на работе / во Франции, куда рванули покупать спиртное / в автобусной поездке в Бельгию / в офисе / в походе по пабам / на демонстрации против жестких экономических мер. Какими скучными в последнее время стали Рашан/Алекс/Джек/Том/Эми в постели. Какого размера члены у Рашана/Алекса/Джека (Клео и Пидж всегда старательно избегали этой темы), и, наконец, «Ролекс» / цветы / драже из соленой карамели «Отель Шоколя» / отпуск / объятия, которые подарили им Рашан/Алекс/Джек/Том/Эми, чтобы загладить вину после скандала, который им закатили Анни/Люсиль/Мел/Пидж/Клео.

Единственная осязаемая вещь, которой меня за все время одарил Крейг, — это бактериальный вагиноз, но об этом я рассказывать не стала.

— Рианнон, а как там Крейг? — спросила Анни.

Она всегда втягивает меня в разговор. Мел иногда тоже это делает, когда хочет побороться за звание лучшего Пассивного Агрессора. Она, например, может спросить: «Ри, ну как там, ничего не слышно про должность младшего репортера?» или «Ну что, Ри, никаких признаков младенца Уилкинса в матке?» — хотя прекрасно знает, что я бы уж наверняка поделилась с ними новостями о грандиозных переменах в карьере (ради бога!) и/или о том, что у меня кто-то поселился в матке (не дай бог!).

— Да так, без изменений, — сказала я, допивая пятый бокал просекко. — Сейчас ремонтирует здание на Хай-стрит, где

раньше была парикмахерская. Там теперь открывают благотворительный секонд.

— Я думала, у тебя в этом году под елочкой будет наконец кое-что сверкающее, — сказала Мел погромче, на весь ресторан. — Сколько вы уже вместе, три года?

— Четыре, — сказала я. — Но нет, ему такое и в голову не придет.

— А если бы он все-таки сделал предложение, ты бы согласилась? — спросила Пидж, и лицо у нее при этом стало такое восторженное, как будто речь шла о Хогвартсе. (Они с Томом планируют в скором времени пожениться в «Волшебном мире Гарри Поттера» в Орландо — я не вру, охренеть, да?)

Я замаялась, ярость грызла меня изнутри пуще прежнего. И соврала:

— Да, конечно...

И уже собиралась добавить примечание: *«Если, конечно, он сможет на пять минут слезть с Ланы Раунтри, чтобы добежать со мной до алтаря»*, но Люсиль меня перебила и не дала договорить:

— Кстати, к вопросу о секундах: я в том, который напротив «Дебенхэмс», купила классную вазу, буквально за копейки... — начала она и тем самым запустила новую тему для разговора, оставив меня на моем вечном Острове Незавершенных Фраз.

Не то чтобы я горела желанием поговорить о Крейге или Крейговой скучной работе. Ни то ни другое не представляло собой интересной темы для беседы. Он что-то там строил, ел булки, иногда выкуривал косяк-другой, любил футбол, играл в видеоигры и не мог пройти мимо паба, чтобы не зайти и не съесть там столько свиных шкварок, что хватило бы вымостить всю Трафальгарскую площадь. Вот и весь нехитрый Крейг.

Они бесконечно трюндели про Уик-энд, Который Нельзя Упомянуть, и тут рядом с нашим столом возник некоторый

чувак с жуткими прыщами на шее, сжимающий в руке стакан пива.

— Все норм, девчат? — спросил Некоторый Чувак с Прыщавой Шеей.

Он приволок пару бутылок красного, ободряемый готом в шесть глоток от парней у барной стойки, с прыщами не только на шеях, но и на подбородках. К моему удивлению, бутылки были еще не откупорены, а значит, нас вряд ли планировали накачать рогипнолом, дотащить до ближайшей «Премьер-Инн» и устроить фестиваль изнасилования в отключке. Ну да, я такие вещи всегда заранее продумываю — еще одна причина, почему со мной полезно дружить.

Это были не те же парни, которые передали нам просекко, другая категория. Моложе. Громче. Прыщавее.

— Не возражаете, если мы к вам присоединимся? — подмигивания и многозначительные взгляды.

Последовали хихикание и визг.

Я намеревалась заказать на десерт двойной шоколадный брауни с топлеными сливками, но началась уже та часть вечера, когда всем приходится втягивать животы, поэтому я удержалась и стала прикидывать, успею ли вернуться домой и съесть оставшееся от Рождества мороженое тирамису прежде, чем раздастся похоронный звон курантов, который положит конец моим неправильным пищевым привычкам.

Мед, Люсиль и Клео стали откалывать свои обычные фривольные шуточки: интерес парней явно оказал на них возбуждающее действие. После достаточного количества вина Пидж тоже начала втягиваться в игру. Вообще-то она была слишком религиозна, чтобы выставлять напоказ сиськи и заигрывать с незнакомцами, — но это только пока не выпьет. Сама же я была еще не в кондиции ни для того ни для другого.

В общем, потянулся этот вечерок, как труп, привязанный к ослиной повозке: семь гоблинов втиснулись к нам за

стол и давай дышать тухлыми ртами и распускать пальцы-сардельки — засорять нам воздух и щелкать нашими резинками от трусов. В наличии имелись Кабан, Прыщавый, Коротыш, Озабоченный, Жирный, Хватун и Немой.

Угадайте, с которым из них выпало весь вечер разговаривать мне. Ну, точнее, говорить самой, он-то молчал.

Короче, в итоге ЛОКНО одна за другой меня кинули. Каждая толкнула речь на тему «молодость не вечна», и все потянулись за гоблинами в какой-то клуб, где проходила новогодняя пенная вечеринка, — что за клуб, я не запомнила, потому что у меня не было намерения за ними последовать.

— Ри, ты идешь? — спросила Анни, обвешанная надаренным младенческим хламом. — Мы с Пидж сейчас только затолкаем все это в машину и встретимся с остальными уже на месте.

Не знаю, с чего она так радовалась, что тащится за всеми в ночной клуб. Она ведь была размером с баржу, пила один апельсиновый сок и по два раза в час бегала в туалет. Ночные клубы для обеих этих затей не самое подходящее место.

— Ага, только в тубзик заскочу, — сказала я, допивая вино в бокале.

Это я их так проверяла. Хотела посмотреть, которая из них меня подождет. Которая — настоящая подруга? Но, как я и думала, ждать меня никто не стал. Я оплатила свою часть счета, встала на дверном коврик «Côte de Sirène» и смотрела, как они с кудахтаньем ковыляют прочь по улице, а семеро гоблинов вертятся вокруг них, как акулы вокруг куска мяса. Обо мне никто и не вспомнил.

Ну и вот стою я одна в центре города и собираюсь с духом, чтобы топтать пешком две мили до дома, в новогоднюю ночь.

А самое веселье-то, оказывается, только начиналось.

Как ни странно, через центр я прошла без приключений. Ну, если не считать бродяги с нимбом из мишуры, обильно

уссывающего себе обе штанины и использующего при этом банк «НэтВест» в качестве ходунков. Или парочки, которая трахалась за мусорными баками на парковке аптеки «Бутс». И еще — драки, разразившейся внутри забегаловки «Пицца-Экспресс», а потом выхлестнувшей на тротуар, где лысый мужик в полосатой рубашке орал: «ДА Я ТЯ ЩАС В ЧЕРЕП ОТЫМЕЮ, ЧМО ТУПОЕ!»

Ничего такого уж примечательного во всем этом не было.

А вот в том, что произошло у канала, — было.

Часы показывали, наверное, примерно полдвенадцатого, когда я дошла до стадиона, срезала путь по велосипедной дорожке и спустилась на тропинку, идущую вдоль берега: до дома мне оставалось каких-то пятьсот футов. И вот тут я услышала за спиной шаги. Дыхание участилось. Сердце застучало глухо и с трудом.

Я сунула руки в карманы пальто, обернулась и увидела типа, которого сразу узнала. Это был тот, в валлийской регбийной майке и с татуированными предплечьями, даритель просекко из ресторана.

— Куда так торопишься, красотка?

— Домой.

— Оу, а мне можно с тобой?

— Нет.

— Ну пожалуйста! Можем успеть друг друга порадовать. Еще ведь есть время до двенадцати! А то у тебя вид какой-то невеселый.

Он сделал шаг вперед и обогнал меня. Я сделала шаг назад. Он — тоже. Засмеялся.

— Ты меня преследовал, да? — спросила я.

Он посмотрел на меня с похотливой улыбочкой, обвел взглядом с головы до ног и задержал взгляд в области паха, который, признаю, выглядел и в самом деле завлекательно в чересчур обтягивающей юбке.

— Просто интересно было, куда ты идешь, вот и все. Ну не будь такой. Я ж тебя шампанским угостил.

— Я поблагодарила.

Ага, как будто этого было достаточно.

Он положил руки мне на плечи.

— Ты не мог бы убрать с меня руки, пожалуйста?

— Да ладно тебе. Ты на меня весь вечер смотрела.

— Что-то не припомню. Отвали.

Я не повышала голос. В этом не было смысла. Его попытки со мной заигрывать были просто нелепы. Одну руку он положил мне на грудь, другая метнулась вниз, к застежке у него на ремне.

— Может, попробуешь моего дружка на вкус? Ну, знаешь, Новый год, игры под елочкой?

Он был сильный, как там это в регби называется — задний столб? У него и левая бровь была рассечена, и ухо, судя по всему, переломано и напоминало пельмень. Он облизнул мне все лицо, я не сопротивлялась. Вокруг не было ни души. Даже если бы я заорала, людям в ближайшем ЖК «Манетт Корт» потребовалось бы минут пять, чтобы до меня добежать. И это при условии, что они вообще стали бы заморачиваться. Он бы к тому времени уже вошел в меня и вышел, и я бы только пополнила статистику: сдавала бы вагинальный мазок и пила остывший чай в приемной полицейского участка.

Нет. Моя сестра — возможно, но не я.

— Иди сюда, — выдохнул он мне в ухо, схватил мою ледяную руку горячей липкой ладонью и потянул в сторону кустов. Там валялась опрокинутая вверх тормашками тележка из «Лидла».

Я не сдвинулась с места.

— Мы там не уместимся, — сказала я.

— Да уместимся, уместимся, — он сильнее потянул меня за руку.

— Снимай джинсы, — сказала я.

Он расплылся в довольной ухмылке, как будто ему воздвигли памятник — памятник с основательным стояком.

— Ух, да, моя хорошая. Я знал, что у меня получится тебя завести.

Немного пошатываясь, он стал возиться с ремнем. Потом с молнией. Застиранные джинсы упали бесформенной кучей на ботинки. За ними последовали трусы-боксеры. Они были все в маленьких Гомерах Симпсонах. Член вскочил, как мини-самурай, готовый к битве.

Та-дам!

Он оказался слегка изогнут. Трудно было сказать наверняка, этот тип рад меня видеть или указывает дорогу к автобусной станции.

Он потянул член вверх. Ну то есть вверх и в сторону автобусной станции.

— Полностью в твоём распоряжении, — сказал он.

— М-м-м, — промычала я. — Повезло мне.

Соблазн расхохотаться был очень велик, но я его в себе поборола и сделала вид, будто начинаю выбирать под юбкой из трусов. Вся такая на взводе.

— Можешь встать на четвереньки? — пропыхтел он.

— Как собака?

— Да-а.

— Зачем?

— Потому что я хочу тебя отыметь как собаку.

Я чуть не задохнулась.

— Но ведь земля твердая.

— Ага, прям как мой член. Давай вниз. Ну давай, не томи.

— Я тебе только отсосу — и всё, — предупредила я.

— Ну, с чего-то надо начинать, — сказал он, и глаза у него засияли.

Я опустилась на корточки и обхватила ладонью его маленького теплого самурая.

— Давай я буду ласкать себя пальцами, пока сосу? — спросила я, превозмогая тошноту.

— От бля, да-а! Грязная сучка! — хохотнул он, становясь еще тверже и жилистее.

Он приготовился и ждал: вот-вот сейчас я обхвачу его заднюю губами. Я потянула член так, будто собралась его доить.

— Я сразу понял, что ты грязная сучка!

Представляя себе, что у этого типа лицо Крейга, одной рукой я крепко сжала член, а другой полезла в карман и вцепилась в рукоятку ножа для стейков. Медленно вытащила его из кармана, одновременно наглаживая член до состояния полного подчинения и дожидаясь, пока тип с лицом Крейга закроет глаза и в экстазе запрокинет голову к небу. После этого я с размаху рубанула по члену и принялась пилить хрящеватую плоть. Мужик вопил, матерился и бил меня кулаками по голове, но я вцепилась в него изо всех сил и резала член, удерживая его скользкими, залитыми кровью пальцами, пока наконец не отодрала от основания, после чего толкнула мужика в живот, и он упал спиной в мутно-зеленую воду. Его осиротевшее мужское естество с кровавым шлепком плюхнулось на холодную тропинку, огибающую канал.

Всплеск мужик произвел неслабый, к тому же он не переставая вопил, однако, несмотря на всю эту суматоху, никто не спешил спасти ни его, ни меня.

— А-а-а-а! Ррррраааааррррррррх! — не унимался он и плескался в воде, как ребенок на первом занятии по плаванию.

От члена, понуро лежащего на дорожке, взвился маленький завиток пара. Я нашла в кармане пальто запасной пакет для собачьих какашек, подобрала с его помощью отрезанный пенис и побежала с ним на мостик через канал, слыша, как

колотит, будто преступник в стену камеры, мое сердце. Добежав до середины моста, я окончательно запыхалась, привалилась к перилам и посмотрела вниз на воду.

— Долбаная... чертова... сука! — бешено барахтаясь, пробулькал тип.

Он отчаянно плескался, то скрываясь под мутной водой, то поплававком выныривая обратно и отплеываясь. Судя по всему, последним, что он увидел в этой жизни, было мое лицо на мосту и моя улыбка в лунном свете.

Благодаря своей жестокой импровизации я испытывала в этот момент ощущение, которого не было у меня уже очень давно. Как в детстве, когда шпионишь за детьми на площадке с пиратскими лазалками. Или когда высовываешь рождественским утром ногу из-под одеяла и нащупываешь наполненный подарками чулок рядом с кроватью. Сначала из какой-то запертой глубоко-глубоко и невозможно возбуждающей загогулины начинают проклевываться лишь проблески этого ощущения, и вот уже по всему телу пробегает электрический ток. Лучшее чувство в мире. Мало кому доступное наслаждение — наблюдать за тем, как кто-то умирает, и знать, что это дело твоих рук. Ради такого стоило и принарядиться.